Пока горит табло

К.Е.

К. Е.

Пока горит табло

https://litres.ru/74739594
SelfPub; 2026

Аннотация

В последнее лето после школы Алиса берёт диктофон и садится на автобус 7. Скоро маршрут изменят, и она хочет сохранить его звуки. Вместе со Львом, который фотографирует старую остановку, она собирает голоса пассажиров и незаметно влюбляется. Но ради конкурса Алиса использует запись, которую Лев просил оставить между ними. До последнего рейса остаётся несколько дней, а ей ещё предстоит найти слова, которые он захочет услышать.

Содержание

Последний круг	4
Звук под пальцем	8
Восемь ноль три	12
Что слышно на лестнице	15
Семнадцать минут	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

К. Е.
Пока горит табло

Последний круг

В пятницу у конечной остановки повесили объявление, и мама попросила меня снять его на телефон.

— Только чтобы дата читалась, — сказала она. — Там в диспетчерской распечатали таким шрифтом, будто у всех в городе бинокли.

Я отступила к самому краю лужи. На стекле под объявлением кто-то нарисовал пальцем три окна и трубу. Труба упиралась в строку «С 23 июня». Ниже сообщалось, что с этой даты автобус номер семь будет разворачиваться у рынка. До нашей остановки, «Маячной», он больше не доедет.

— А ты когда собиралась сказать?

— Вот сейчас и собираюсь.

Мама дёрнула за воротник форменной рубашки. В салоне за её спиной на зеркале висела синяя бельевая прищепка. Ею мама цепляла к козырьку фотографии, записки и прочие вещи, от которых, по её словам, не зависело движение автобуса. Сейчас прищепка держала Костин рисунок. На нём мама вела автобус на Луну, и у Луны имелась нормальная асфальтированная дорога.

— До рынка четырнадцать минут пешком, — сказала мама. — Я проверяла.

— Ты ходишь так, будто тебя кто-то догоняет.

— Тогда семнадцать. Алиса, зайди домой за Костей? Соседка до семи.

Она закрыла двери. Автобус отвалил от остановки, и в мутном стекле я увидела своё отражение. Мои волосы до дождя были собраны в хвост. Теперь они держались на честном слове и резинке.

— Там обратная сторона есть, — сказали из-за стекла.

На узкой скамье сидел парень в красной куртке. Между колен он зажал рулетку, кроссовком удерживал свёрнутый ватман. Я видела его раньше в копицентре, где он печатал школьные доклады и всегда спрашивал, нужна ли скрепка. Мне всегда была нужна скрепка.

Я обошла остановку. С обратной стороны к стеклу прилепили второй лист. В нём было про стройку на месте старой площадки для разворота и телефон транспортного отдела.

— Скамейку тоже уберут? — спросил парень.

— Ты из отдела?

— Если бы. У нас лавка у копицентра сгнила. Папа сказал, что можно присмотреть эту, раз всё равно будут разбирать.

Он поднялся и прижал конец рулетки к мокрой доске. Мне пришлось наступить на край ватмана, когда его потащило ветром. На бумаге оказался чертёж скамьи. У одной ножки парень нарисовал серого кота, занятого собственным

хвостом.

— Кот по проекту? — спросила я.

— Кот по факту. Он у нас приходит ругаться на принтер.

Рулетка сорвалась с доски и с треском втянулась в корпус. Парень выругался шёпотом, словно рядом с нами спал ребёнок.

У меня в рюкзаке лежал диктофон, который выдала учительница литературы, Лариса Борисовна. Мы делали школьный выпуск про то, что у каждого из нас останется от города после одиннадцатого класса. Я собиралась взять у мамы интервью и уже неделю таскала диктофон с собой. Разговор с мамой никак не начинался. С ней вообще трудно было записать отдельный разговор. Стоило нам остаться вдвоём, как она вспоминала, что надо разморозить курицу.

Я вытащила диктофон.

— Можно ещё раз рулеткой? Только звук.

— А зачем?

— Хочу послушать, как она щёлкает.

Он посмотрел на меня с интересом, который очень легко было перепутать с подозрением. Потом вытянул ленту на полметра.

— Готова?

Я нажала красную кнопку. В наушниках весь мир как будто придвинулся. Капли стучали по крыше остановки. Где-то сзади машина шуршала по воде. Лента соскользнула с пальца и пролетела рядом с микрофоном, издав сухой металли-

ческий вопль.

— Ещё? — спросил парень.

— Да.

На третий раз я поймала и щелчок, и его смех после. На четвёртый он специально засмеялся, и получилось ужасно. Я сняла наушники.

— Лев, — сказал он, убирая рулетку.

— Алиса.

— Я знаю. Ты в апреле печатала таблицу с глаголами и оставила у нас вторую страницу.

— И вы её храните?

— Она у кота под миской. Он теперь знает прошедшее время.

Мне пора было за Костей. Я уже дошла до поворота, когда Лев окликнул меня и спросил, отправлю ли я запись. Он продиктовал номер, а я по дороге домой слушала дождь, смех и металлический вопль в разном порядке. Объявление для мамы я пересняла уже вечером. К тому времени кто-то обвёл дату зелёным маркером.

Звук под пальцем

Лариса Борисовна поставила на мою парту чашку, в которой вместо чая лежали флешки. Она учила нас подписывать файлы так, чтобы их мог найти другой человек. Мой назывался «нормальный_точно_этот».

— Чем он нормальный?

— Там слышно, как складывается рулетка.

Она надела один наушник. На последней парте Соня закрывала лицо учебником и пыталась съесть булку. У неё ничего не получалось с конспирацией: мак сыпался на белую юбку.

— Ты при этом думала об автобусе? — спросила Лариса Борисовна.

— Об остановке.

— Сделай выпуск про неё. У тебя две недели, потом кабинеты запрут на ремонт. И посмотри сюда.

Она развернула ко мне монитор. На сайте летней звуковой мастерской было фото ребят за пультом. Девушка на переднем плане прижимала наушник плечом и смеялась. Мне нравилось, что взрослые доверили ей все эти кнопки, хотя она явно позволяла себе над ними смеяться.

Занятия шли три недели в Хабаровске. Тем, кто проходил конкурс, давали место в общежитии. Нужно было прислать трёхминутную работу.

— Мне нужно спросить маму, — сказала я.

— Начать можешь сегодня.

Соня дождалась меня на лестнице и протянула половину булки. Мы дружили с того дня в седьмом классе, когда она первая спросила, зачем я записываю на телефон, как учитель физики заводит моторчик. Мы потом поставили этот звук на будильник. Будильник был такой противный, что мы обе просыпались с одного раза.

— Хабаровск, — сказала Соня. — Звучит как город, в котором ты будешь покупать себе хлеб и ни у кого не спросишь, какой.

— Я и здесь могу.

— Сырный ты домой однажды принесла. Вы потом ели его с вареньем всей семьёй.

В копицентре пахло горячей бумагой. Лев сидел за прилавком и раскладывал по линейке фотографии. На каждой одна и та же остановка стояла в другом свете. На одной снегом почти занесло скамью. На другой рядом с ней сушилась на заборе огромная рыба из серебристой бумаги.

— Это мы делали на праздник двора, — сказала я. — Я ей глаза рисовала.

— Она до конца июля провисела. Я думал, это местный способ отпугивать чаек.

Он освобождал дальнюю стену под маленькую выставку. Его отец решил продать широкоформатный принтер, и, пока аппарат ещё стоял в копицентре, Лев хотел успеть сделать на

нём что-нибудь своё. Он предложил мне поставить колонку рядом с фотографиями.

— Школьный выпуск всё равно никто, кроме нашей учительницы, не услышит, — сказала я.

— Значит, она услышит дважды.

Из подсобки вышел его отец. Я знала его по голосу: он говорил «минутку» так, что минутка занимала ровно минуту. Он потрогал край снимка и спросил, откуда у Льва зимняя фотография. Лев ответил, что снимал ещё до школы, когда зимой ходил на автобус вместе с ним.

— Тогда я тебя провожал, — сказал отец. — Ты всё пытался сам оплатить проезд своей карточкой от бассейна.

Лев спрятал снимок под другие. Отец ушёл за коробкой бумаги.

— Мы могли бы сделать на стене карту, — сказала я. — Здесь остановка. Тут двор. Нажимаешь и слушаешь.

— А если мой отец продаст принтер завтра?

— Будем рисовать.

Лев провёл пальцем по белому краю фотографии, как будто под ним уже была кнопка.

— В воскресенье поедем первым кругом?

— Первый круг в шесть сорок.

— Утром красиво.

Он помедлил и добавил, что красота, если честно, случается и в восемь. Мы договорились на восемь. Дома я открыла сайт мастерской и посчитала дни до конца приёма заявок.

Мне впервые в жизни захотелось, чтобы июнь шёл медленнее, хотя последние два месяца я только и делала, что вычёркивала дни из календаря.

Восемь ноль три

В воскресенье Лев пришёл с пакетом пирожков и предложил угадывать начинку. Первый оказался с картошкой. Во втором была картошка с укропом. Третий я оставила Косте, чтобы у него тоже была возможность ошибиться.

За рулём оказался дядя Гена, мамин сменщик. У него на панели стоял игрушечный корабль, и при торможении корабль проплывал три сантиметра на восток.

— Про меня если будете записывать, то скажите, что красавец, — потребовал он.

Я показала ему кнопку записи. Красавец откашлялся и объявил остановку голосом человека, которому доверили открыть Олимпийские игры. Потом засмеялся своим обычным хриплым смехом. Я попросила разрешения оставить именно смех. Он согласился и в следующем круге стал смеяться каждый раз, когда видел мой рюкзак.

На «Старых складах» вошла женщина с сумкой, из которой торчали тонкие луковые перья. Её звали Нина Петровна. Она ездила к мужу, который после операции жил у дочери, пока в их подъезде чинили лифт. На вопрос о звуке остановки она ответила, что ей нравится звонок у задней двери. Когда звонок слышно с улицы, успеваешь понять, что автобус уже приехал, и перестаёшь смотреть каждые полсекунды на телефон.

— Можно вас записать? Это для выставки и, может быть, для моей заявки в мастерскую.

— А люди меня узнают?

— Те, кто вас хорошо знает, наверное.

Она подумала.

— Тогда про мужа вырежи. Пусть там будет лук.

У рынка Нина Петровна отломила нам по зелёному перу. Лев жевал своё, пока мы считали ступени на лестнице, ведущей с рынка к нашему дому. Ступеней было шестьдесят две. У двадцать восьмой торчал из бетона кусок железа. Лев сфотографировал его и вдруг спросил, почему новая конечная вообще должна быть на рынке.

Мы разложили распечатку схемы на свободной лавке. Между Маячной и рынком был спортивный проезд. По нему возили детей в бассейн, и в конце имелась петля, где микроавтобусы разворачивались, чтобы вернуться на главную улицу. Если семёрка доедет туда, то наш двор всё равно потеряет остановку, но идти придётся по почти ровной дороге и всего пять минут. Лев поставил ноготь на точку.

— А туда большой автобус влезет?

— Мама знает.

Ветер опрокинул пакет, и мой оставленный Косте пирожок покатился к урне. Лев поймал его на краю лавки и торжественно завернул в схему.

Мама сняла трубку с третьего раза. Я слышала воду и могла представить, как она прижимает телефон плечом, пока

чистит картошку.

— Петля широкая, — сказала она. — Въезд узкий. Я бы спросила про машины вдоль ограды. Если это согласовывать, то через транспортный отдел.

— Ты можешь с ними поговорить?

Вода перестала течь.

— От себя как от жителя могу. На работе я уже спросила. Мне дали новое расписание.

Пока я искала, что сказать, мама спросила, идём ли мы обедать. Я сказала «мы», хотя могла сказать «я». Лев поднял глаза от карты. У него на верхней губе остался крошечный кусочек укропа.

Костя встретил нас в прихожей с двумя колёсами от игрушечной машины в руках. Он спросил, правда ли, что Лев чинит вещи. Лев ответил, что иногда в процессе починки вещей становится больше. Костю это устроило. Через двадцать минут они сидели под столом и искали ось, а мы с мамой ели остывший суп.

— Хороший у тебя напарник, — сказала она.

Я слишком быстро ответила, что мы только делаем выставку. Мама кивнула и пододвинула ко мне хлеб. Я отломила корку и подумала, что по вечерам копицентр хорошо видно из окна кухни. Раньше я знала это примерно так же, как знала, где у нас лежат запасные батарейки. Теперь мне хотелось посмотреть, горит ли там свет.

Что слышно на лестнице

Мы открыли дверь в школьный кабинет труда, и изнутри пахнуло опилками. В мастерской работала Львиная тётя Вера. Она приходила сюда после уроков два раза в неделю и вела кружок по дереву. Она сама разрешила называть её Львиной тётей, потому что в детстве Лев так подписал приглашение на свой день рождения и больше никто из семьи не смог от этого имени избавиться.

Вера выдвинула из-под верстака деревянное сиденье. Одну половину отшлифовали, другая ещё была серая, с волосками старой краски. Лев провёл ладонью по границе.

— Я тебе могу предложить работу на июль, — сказала Вера. — В мастерской у порта привезут старые стулья. Ты на них научишься терпению. Если повезёт, я тоже.

— Мы с мамой ещё решаем, — сказал он.

Я спросила, что именно. Вера потянулась за защитными очками. Лев сказал, что мама осенью перебирается в Комсомольск и зовёт его с собой. Там у неё новая работа и квартира с отдельной комнатой для него.

— Я обещал ответить к концу июня, — добавил он. — Давай про это пока без микрофона.

Диктофон лежал в рюкзаке. Я даже не успела его достать, но от этих слов мне стало неловко. Мы к тому моменту записали столько разговоров, что люди при мне начинали сами

обозначать, где у них вход и выход из записи.

Вера надела на нас очки и показала, как шкурить доску вдоль волокон. В опилках застревал свет из окна. С улицы доносилось, как после экзамена кто-то тащил по коридору стулья. Я подумала о списках поступивших. Соня собиралась в колледж на дизайн, Костя переходил в третий класс, мама знала расписание на месяц вперёд. Я в конце одиннадцатого класса могла уверенно сказать, что мне нравится записывать звуки, но даже произносить это в ответ на вопрос о будущей работе было страшновато.

Когда мы закончили, Вера попросила Льва закрыть мастерскую. Мы вышли на лестницу. Я нажала выключатель. Свет погас на один пролёт ниже, а наверху остался, и Лев встал на светлом краю.

— А ты правда хочешь уехать на эти три недели?

— Хочу. Боюсь, что мама скажет, что у неё график и я нужна дома.

— Она уже так говорила?

Я постучала носком по ступеньке. Один раз, ещё в восьмом классе, я согласилась остаться с Костей вместо школьной поездки. Мама сказала тогда «выручила» и обняла меня. С тех пор я часто решала заранее, когда ей нужна помощь. Иногда мама даже не знала, от чего я отказалась.

— Не про эту поездку, — ответила я.

Лев сел на ступеньку и подвинулся, оставляя мне место.

— Давай на секунду представим, что она сказала да. Что

ты там сделаешь первым делом?

Я сказала, что найду на карте ближайшую реку и схожу послушать берег. Он попросил описать, как это будет, и я неожиданно для себя рассказала ему всё. Как сама куплю билет. Как у окна поезда будет дрожать пакет с едой. Как я наконец возьму микрофон, который можно держать на длинной штанге, и поймаю тихий звук, не подходя к нему вплотную.

— Хорошо ты рассказываешь, — сказал Лев.

— Ты задаёшь вопросы, на которые у меня есть ответы.

— Можно тогда один без ответа?

Он не успел спросить. Дверь на втором этаже ударилась о стену, и по лестнице затопали ребята из театрального кружка. Лев вскочил, как будто его поймали за списыванием. Я пошла вниз первая. Уже на улице я попросила его задать вопрос, но он сунул руки в карманы и сказал, что теперь придётся ждать подходящей лестницы.

Семнадцать минут

Транспортный отдел занимал половину второго этажа над аптекой. У двери стоял автомат с бахилами, хотя дальше по коридору лежал линолеум, на котором городская грязь жила уже давно и с полным правом.

Специалистку звали Ирина Андреевна. На столе у неё стояла чашка с облупленной надписью «Лучшая мама». Она посмотрела схему, выслушала Льва и попросила показать улицу на карте. Карта на её мониторе открылась старая. На месте бассейна ещё был пустырь.

— У нас закрывается площадка. Уведомление от собственника пришло весной. Перевозчик подал вариант с рынком, мы его проверили. Временная остановка в проезде возможна, если там проходит безопасный разворот и есть место высадки. Но сначала нужно понять, что именно вы просите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.